

ИНДОИРАНЦЫ: ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ ИЛИ СКОТОВОДЫ?

(ИСХОДНЫЙ ВОПРОС АРИЙСКОЙ ПРОБЛЕМЫ)

И. Н. Хлопин

Изучением арийской¹ проблемы занимаются ученые разных специальностей: историки, археологи, лингвисты. В этой проблеме есть большие и малые вопросы; есть вопросы, которые уже можно считать разрешенными, и вопросы, еще ждущие своего решения. Арийская проблема и по сей день остается актуальной, поскольку служит фундаментом для истории всех существующих в настоящее время индоевропейских народов, в зависимости от ее решения рассматривается конкретная история большинства европейских народов, в том числе и славянских. В предлагаемой статье поставлен лишь один вопрос историко-археологического аспекта, связанный с определением экономического базиса древних индоиранцев, то есть делается попытка ответить на вопрос: кем были индоиранцы — земледельцами или скотоводами?

В науке установилось мнение, что Авеста отражает состояние общества иранцев в первой половине I тыс. до н. э. и что это общество было в то время оседлым и занималось земледелием и скотоводством. Однако ученые, касавшиеся арийской проблемы, ставили перед собой вопрос, каким был экономический базис предполагаемых предков авестийских и ведических ариев и какие археологические культуры можно считать материальными следами древнейших ариев. Почти все исследователи приходят к сходным выводам, которые были обобщены академиком В. В. Струве: «В течение II тысячелетия до н. э. в Средней Азии вплоть до Копет-Дага получают распространение культуры, имеющие определенные связи с так называемой андроновской культурой Казахстана. Рядом исследователей это явление истолковывается как свидетельство распространения здесь ираноязычных индоевропейских племен, которые действительно занимали позже, в I тысячелетии, всю Среднюю Азию. В связи с развитием производительных сил в период бронзового века и в соответствии с природными условиями Средней Азии ее ираноязычное население, по-видимому, еще во II тысячелетии разделяется на кочевников-скотоводов (массагетов, саков) и земледельцев, которые оседали в горных долинах и в оазисах, смешиваясь здесь, вероятно, с коренным населением»².

Приведенная общепринятая точка зрения основана на работах известных советских археологов, исследователей Средней Азии, С. П. Толстова, А. Н. Бернштама и М. М. Дьяконова. Каждый из них, в част-

¹ Термин «арий» употребляется как этноним в древнейших индоиранских письменных памятниках Авесте и Ригведе, поэтому он может быть применен, когда дело идет о событиях в хронологическом отрезке между разделением древних индоиранцев на авестийских и ведических ариев и появлением на исторической арене предахеменидских персов. До этого отрезка времени эти общества следует именовать индоиранскими, а после — персидскими и индийскими.

² В. В. Струве. Древнейший Иран и Средняя Азия. «Всемирная история». Т. I. М. 1955, стр. 591.

ности, пытался связать материалы своих раскопок с историей народов, обитавших, согласно письменным источникам, на территории Средней Азии.

В 1948 г. С. П. Толстов впервые сформулировал мысль о том, что «именно в скрещении носителей культуры крашеной керамики (Южной Туркмении) с носителями сперва охотничье-рыболовной, а затем скотоводческо-земледельческих культур евразийского севера можно видеть одну из важнейших предпосылок индоевропейского этногенеза вообще и сложения индоиранской группы индоевропейцев в частности»³. Спустя полтора десятилетия С. П. Толстов развил и уточнил эту правильную в своей основе мысль в несколько ином направлении. Он уже прямо говорит о том, что «появление в Хорезме в середине II тыс. до н. э. племен — носителей тазабагыябской (то есть андроновской.— И. Х.) культуры, очевидно, связано с первой значительной волной индоевропейских, индоиранских или иранских племен, продвигавшихся с северо-запада». По его мнению, обнаружение на земледельческих поселениях Южной Туркмении времени Намазга VI керамики тазабагыябского (степного, кочевнического, андронидного) типа свидетельствует о проникновении, точнее, «продвижении племен — носителей тазабагыябской культуры в южном направлении». «Учитывая вероятную связь тазабагыябской культуры с первой волной индоевропейских, индоиранских или иранских племен, пришедших в Хорезм с северо-запада, и археологически зарегистрированное появление в южных районах Средней Азии тазабагыябских и позднесуярганских племен — носителей культуры степной бронзы, мы можем вновь поставить вопрос о путях проникновения индоиранских племен на территории Афганистана и Индии»⁴. Как видим, концепция С. П. Толстова об индоиранской принадлежности андроновской и стадильно сходной с ней срубной культур остается неизменной, так же как и тезис о продвижении носителей этих культур с северо-запада на юго-восток во второй половине II тыс. до н. э.

Для подтверждения точки зрения об ираноязычности носителей андроновской культуры С. П. Толстов привлекает высказывания А. Н. Бернштама, который в одной из своих последних работ априорно отождествляет носителей андроновской культуры с ведическими ариями. «Широкое распространение памятников андроновской культуры,— писал А. Н. Бернштам,— вызывает предположение, что андроновцы являлись теми «пастухами-скотоводами холодного Севера», которые, согласно Ведам и географии Авесты, были ариями, т. е. завоевателями Индии во II тыс. до н. э.». Далее, забыв, что это только предположение, он насчитывает три похода, три последовательных этапа вторжения индоевропейских племен ариев: андроновский, сакский и тохарский; два последних этапа названы так по именам важнейших народов, сохранившимся в письменных источниках. Наконец, при определении места происхождения восточноиранских племен ариев А. Н. Бернштам выдвигает тезис, что территорию андроновцев и саков следует считать центром происхождения восточноиранских племен⁵.

Весьма примечательно мнение на этот счет М. М. Дьяконова, который в своей посмертно изданной книге «Очерк истории Древнего Ирана» специально касается предков авестийских ариев. «Археологические данные,— пишет он,— дают нам некоторое представление, по-видимому, о предках кочевых ираноязычных племен. Обширные территории Северо-Восточного Причерноморья, Южного Поволжья, Приуралья, Казахстана и Средней Азии, занятые в середине I тыс. до н. э., по данным

³ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М. 1948, стр. 68.

⁴ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М. 1962, стр. 59, 60, 67.

⁵ А. Н. Бернштам. Спорные вопросы истории кочевых народов Средней Азии в древности. «Краткие сообщения» Института этнографии АН СССР. Вып. XXVI. М. 1957, стр. 19.

письменных источников, кочевыми ираноязычными племенами скифов и саков, в конце II — начале I тыс. до н. э. были заняты племенами двух близкородственных археологических культур — срубной и андроновской, причем последняя охватывала также и Южную Сибирь». «В Иран носители иранских языков,— продолжает М. М. Дьяконов,— просачивались постепенно, в течение многих столетий. Складывались племенные союзы, включавшие и местные и некоторые пришлые племена. Различные исторические причины приводили к тому, что в этих племенных союзах побеждал тот или иной язык. Особенно жизнеспособным оказался язык иранских племен, понятный на обширной территории, по которой он был разнесен подвижными скотоводческими племенами. При этом массового истребления прежних жителей Ирана и скачкообразной смены этнического состава населения, как показывают данные антропологии, да и археологии, не было»⁶. Отметим здесь основную мысль М. М. Дьяконова: арии первоначально были степными кочевниками-скотоводами и при благоприятном стечении обстоятельств оседали и становились земледельцами.

Краткий обзор перечисленных выше точек зрения хорошо резюмирует слова В. М. Массона: «Попыткой конкретизировать на имеющемся археологическом материале мнение о северном происхождении индоиранских племен является отождествление с древними индоиранскими племенами носителей андроновской культуры. По существу, подобное отождествление является дальнейшей конкретизацией широко распространенного в западной литературе мнения о скотоводческих племенах Причерноморья и Прикаспия как о древнейших индоевропейцах»⁷.

Широкие археологические раскопки первобытных памятников Южной Туркмении, начатые в 1954 г., позволили В. М. Массону уже вскоре после их начала поставить вопрос о том, что эти районы, с одной стороны, могли быть промежуточными для продвигавшихся с севера индоиранских племен, с другой — эти же районы, как и области Северо-Восточного Ирана, могли быть местом обитания индоиранских племен с весьма раннего времени, во всяком случае, со времени развитой бронзы (период Намазга V)⁸. И. М. Дьяконов в рецензии на работу В. М. Массона, комментируя мнения последнего, допускает, что носители культуры Намазга VI, а может быть, V и IV, были индоиранцами; в то же время он полностью разделяет мнение о западном, то есть юго-восточноевропейском, центре происхождения индоевропейских языков и их проникновении на территорию юга Средней Азии, иранского Хорасана и Индии с северо-запада, то есть со стороны степного пояса. Тем самым он принимает и положение о вероятном тождестве «андроновцы — арии», хотя и сужает понятие ариев до скифов и саков⁹.

О возможной, скорее, вероятной ираноязычности древнего населения Южной Туркмении, причем о его исконной ираноязычности с V—IV тыс. до н. э., писал и автор настоящих строк, но веских доказательств это мнение под собой не имело и поэтому не выходило за рамки рабочей гипотезы¹⁰.

Поиски первоначальных мест обитания и путей проникновения в Иран и Индию индоиранских племен в советской исторической лите-

⁶ М. М. Дьяконов. Очерк истории Древнего Ирана. М. 1961, стр. 42, 64.

⁷ В. М. Массон. Изучение неолита и бронзового века Средней Азии. «Советская археология», 1957, № 4, стр. 54.

⁸ В. М. Массон. Изучение неолита и бронзового века Средней Азии; его же. Древнеземледельческая культура Маргианы. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 73, М.-Л. 1959, стр. 117—121.

⁹ См. «Вестник древней истории», 1960, № 3, стр. 119—120.

¹⁰ И. Н. Хлопин. Дашлыджи-депе и неолитические земледельцы Южного Туркменистана. «Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции». Т. X. Ашхабад. 1961, стр. 203—204; его же. Племена раннего неолита Южной Туркмении. Автореферат кандидатской диссертации. Л. 1962, стр. 18.

ратуре продолжают до последнего времени. Исследования в Южном Таджикистане и в Южной Туркмении позволили А. М. Мандельштаму высказать мнение о том, что «археологически документируемые передвижения «степных» культур в южные окраинные области Средней Азии оказываются связанными не с андроновскими племенами (или, во всяком случае, не только с ними), а с иными группами: одна из них (погребения в юго-западной Туркмении.— И. Х.) — близкая к срубным племенам, вторая, весьма своеобразная (бишкентская культура в Таджикистане.— И. Х.), пока не ясна по своему происхождению; кроме того, имеются веские основания предполагать наличие и третьей группы, для которой характерны погребения в оградах»¹¹. Наряду с этим он отмечает хорошо известный факт, что вплоть до рубежа II и I тыс. до н. э. в древних оседло-земледельческих областях юго-запада Средней Азии не наблюдается смены культур и, следовательно, населения. Затем, по его мнению, «следует недостаточно изученный период, характеризующийся, с одной стороны, определенными изменениями в сфере материальной культуры земледельческого населения, а с другой — наличием свидетельств непосредственного контакта его со скотоводческими племенами и, вероятно, даже проникновения последних в пределы оазисов. Последующее развитие снова носит преемственный характер и в основном является продолжением старой традиции». Говоря далее о том, что язык коренного земледельческого населения ему неизвестен, хотя «имеются веские основания исторического характера (? — И. Х.) считать, что он не принадлежал к индоевропейской семье», А. М. Мандельштам констатирует на этих местах распространение с середины I тыс. до н. э. иранских диалектов. Из всего этого следует, по его мнению, что «на протяжении какого-то предшествующего периода должна была произойти смена языка, что, естественно, не могло иметь места без появления новых этнических групп, в данном случае, бесспорно, относящихся к числу ираноязычных»¹².

Вся приведенная аргументация не нова и не выходит за рамки традиции¹³. Стремление заменить одни скотоводческие племена индоиранцев (андроновские) другими (срубные, бишкентские), с одной стороны, и игнорирование иных мнений (например, мнения И. М. Дьяконова об ираноязычности носителей оседло-земледельческой культуры Южной Туркмении эпохи бронзы) — с другой, не может, на наш взгляд, считаться решением проблемы. Кроме того, не менее «веские основания» не только исторического, но и археологического характера настоятельным образом выдвигают требование пересмотра многих традиционных положений.

Вот основные из этих положений, ставшие традиционными и неоспоримыми: а) арии Авесты были первоначально скотоводами-кочевниками и где-то на рубеже II и I тыс. до н. э. перешли к оседлости и земледелию; б) арии Авесты первоначально населяли обширный пояс евразийских степей и представлены археологическими скотоводческими культурами, андроновской и срубной, перерастающими в сакскую и скифскую; в) арии Авесты в составе других ираноязычных племен, в поисках новых пастбищ для непрерывно возрастающих стад, двинулись с севера на юг и заняли территорию Средней Азии и ряд областей

¹¹ «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы». Л. 1966, стр. 258; см. также А. М. Мандельштам, Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 145. Л. 1968.

¹² «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы», стр. 255—256.

¹³ Мы умышленно не останавливаемся на работах, в которых авторы затрагивают арийскую проблему лишь косвенно. См., например, Е. Е. Кузьмина. О южных пределах распространения культур степной бронзы в Средней Азии. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии». М. 1964, стр. 141—158; Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 118. М.-Л. 1962, стр. 91—94, и др.

Переднего Востока; г) арии Авесты перешли к оседлому образу жизни раньше других скотоводческих иранских племен, которые по-прежнему остались кочевниками, что и породило постоянную вражду между ними.

Нашу дальнейшую задачу мы представляем себе не в доказательстве иранской языковой и этнической принадлежности оседлоземледельческих общин юга Средней Азии, а в том, чтобы, во-первых, показать истоки существующей в науке и еще весьма распространенной точки зрения о возможности в принципе оседания на земле древних кочевников; во-вторых, показать неверность общепринятого в науке мнения о первоначальной скотоводческой сущности древних индоиранцев, предков ведических и авестийских ариев; и, в-третьих, показать, как, с нашей точки зрения, можно подойти к решению вопроса о первоначальном экономическом базисе этих народов.

В XVIII—XIX вв. среди ученых-гуманитариев (социологов, экономистов, историков, этнографов и географов) господствовала так называемая «теория трех ступеней», которая через гуманистов позднего средневековья восходит к античной науке. Суть этой теории заключалась в том, и это считалось общепринятым и доказанным, что человечество в своем историческом развитии прошло через три последовательные хозяйственные стадии — бродячую охоту, кочевое скотоводство и, наконец, оседлое земледелие. Эта теория казалась настолько очевидной, что даже не вызывала ни у кого сомнения. Она нашла свое отражение в работах крупных ученых XIX в.: Адама Смита, Элизе Реклю и других.

В 1892 г. вышла в свет первая работа немецкого географа и этнографа Эдуарда Хана, которая не только поставила под сомнение истинность «теории трех ступеней», но и положила начало ее научной критике¹⁴. В этой и в своих последующих работах он доказал, что земледелие развилось во многих местах самостоятельно из первобытного собирательства, что земледелие гораздо древнее скотоводства, что одомашнивание животных (кроме собаки) не могло быть достигнуто в условиях присваивающего хозяйства охотников, так как своей сущностью предполагало уже и прочную оседлость и наличие постоянных запасов пищи. Критика Э. Ханом «теории трех ступеней» показала ее упрощенность и устарелость, а главное — неверность и несоответствие фактическому материалу. Его работы нанесли ей непоправимый удар и положили конец ее господству¹⁵. Однако и в XX в. многие работы научного и научно-популярного характера содержали высказывания в пользу этой теории¹⁶.

«Теория трех ступеней» использовалась и в решении ряда вопросов арийской проблемы. Практически во всех работах, посвященных так или иначе этой проблеме, содержится мнение, в большинстве случаев ничем не доказуемое, что, как сказал И. Маркварт, иранские племена сайримов и тузов продолжали оставаться кочевниками, в то время как арии перешли к оседлости и начали ассимилироваться с земледельческими культурными народами в собственно Иране¹⁷. Это — единственное объяснение всех тех неувязок и разногласий, которые существуют ныне в вопросе о первоначальном базисе предков ариев Авесты, о местах

¹⁴ E. Hahn. Die Wirtschaftsformen der Erde. «Petermanns Geographische Mitteilungen». Bd. 38. Gotha. 1892.

¹⁵ См. Г. Кунов. Всеобщая история хозяйства. Т. I. М.-Л. 1929, стр. 428; Ю. Липс. Происхождение вещей. М. 1954 (там же библиография вопроса).

¹⁶ Например, К. М. Тахтарев. Очерки по истории первобытной культуры. Пгтр. 1922, стр. 132—142; Л. Крживицкий. Хозяйственный и общественный строй первобытных народов. М.-Л. 1925; В. И. Равдоникас. История первобытного общества. Т. II. Л. 1947, стр. 11—16.

¹⁷ I. Marquart. Eransahr nach der Geographie des Moses Xorena'ci. B. 1901, S. 155.

первичного обитания и местах, впоследствии освоенных индоиранскими племенами.

С глубокой древности и практически до наших дней существуют племена и народы, в хозяйстве которых скотоводство играет основную роль и которых мы называем скотоводами. Обычно принято говорить о скотоводах вообще, не задумываясь над тем, каким образом отдаленные предки исторических или нынешних скотоводов перешли к этому типу хозяйственной деятельности. В действительности скотоводы с точки зрения происхождения их хозяйства разделяются на две принципиальные разновидности: первичные скотоводы и вторичные скотоводы. Под первыми следует подразумевать тех, которые (или предки которых) сами перешли к разведению домашнего скота, приручив его в тех местах, где водились дикie виды этого скота. Ко вторичным скотоводам следует отнести таких, которые не сами приручили животных, а получили скот уже в одомашненном виде в процессе культурного воздействия со стороны более передовой во всех отношениях части человечества.

Мнение о возможности сложения скотоводческого хозяйства (даже производящего хозяйства вообще) в зоне границы леса и степи (предандроновская и андроновская культуры) приблизительно на рубеже III и II тыс. до н. э.¹⁸ теряет под собой почву при конкретном подходе к этому вопросу. Животное, пригодное для одомашнивания, можно приручить практически в любой климатической зоне, но при одном непременном условии — должен присутствовать объект для одомашнивания. Современной биологии и палеозоологии хорошо известны дикie формы практически всех домашних животных, а также места их прежнего и нынешнего обитания¹⁹. Однако в зоне границы леса и степи они не водились, так что вопрос об одомашнивании в этой зоне может быть решен только в отрицательной форме: здесь одомашнивать было некогда. Кстати, так же можно решать и вопрос о культурных растениях — злаки можно было окультивировать лишь в местах их дикого произрастания. Подобно тому, как перенос злаков из горных очагов их первоначального произрастания на равнину расшатал их наследственность и привел к положительной мутации, так же и скот, первоначально прирученный в местах своего дикого обитания, при его переселении в степи стал иным. Как культурные растения, так и домашние животные могли распространиться практически по всей Земле только в результате их передачи вместе с навыками производящего хозяйства от одних коллективов людей к другим²⁰.

Начало одомашнивания диких животных в зоне древнейших земледельческих культур Ближнего и Переднего Востока, которое отдельными исследователями относится к мезолитическому времени, само по себе не является еще свидетельством свершения там перехода к производящему хозяйству — приручение и одомашнивание животных было только одним из его условий, одним из его предпосылок. О том, что неолитическая революция произошла, можно говорить тогда, когда археологические раскопки представляют весь комплекс свидетельств этого: долговременное оседлое поселение, традиционный комплекс земледельческого инвентаря и, наконец, костные остатки домашних животных. Оседлость, земледелие и скотоводство являлись в то время тремя китами, на кото-

¹⁸ Этого традиционного взгляда многие исследователи придерживаются и поныне (см.: К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала. М. 1967, стр. 340—342; «История Сибири». Т. 1. Л. 1968, стр. 117, 159—161, 170).

¹⁹ Н. Н. Колесник. Эволюция крупного рогатого скота. «Труды» Института животноводства Таджикского филиала АН СССР. Т. XXIV. 1949, Г. Ч ай л д. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М. 1956, стр. 59.

²⁰ См. И. Н. Хлопин. Некоторые вопросы развития древнейших земледельцев. «Исследования по археологии СССР». Л. 1961, стр. 47—55.

рых покоился мир, триединой основой существования человеческого общества с прогрессивной производящей экономикой.

Эталоном подобной археологической культуры являются поселения северной подгорной полосы Копет-Дага, которые принято датировать VI—V тыс. до н. э.; это джейтунская культура²¹, открытая и изученная в послевоенные годы. Поселения, принадлежащие к этой культуре расположены в дельтовых частях горных ручьев; они состоят из значительного количества однокомнатных домов, стены которых сооружались еще не из кирпичей, а из характерных глиняных блоков на одном и том же месте из поколения в поколение. Огромное количество орудий из кремня, камня и кости (при полном отсутствии следов металла) свидетельствует о производящей основе земледельческого хозяйства древнего населения этих мест²². Синкретичность первоначальной производящей экономики подчеркивают кости животных, которых еще нельзя признать домашними, но эти кости имеют явные следы морфологических изменений, получаемых в процессе одомашнивания²³. Постоянная оседлость населения в сочетании с обеспеченностью продуктами питания привела не только к появлению и развитию новых отраслей домашнего производства (в первую очередь керамического), но и к развитию комплекса верований, отраженных в наиболее древних святилищах огня, украшенных стеной росписью с геометрическими и зооморфными сюжетами²⁴.

Истинное значение таких культур для человеческого прогресса становится более понятным при их сопоставлении с более северными культурами. Действительно, в Прикаспии, вдоль функционировавшего в то время древнего русла Аму-Дарьи — Узбоя, в Приаралье и в междуречье Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи для этого времени имеются археологические свидетельства того, что названные территории были заселены людьми²⁵. Но культура этого населения в V—IV тыс. до н. э. была очень далека от производящего хозяйства. Это были типичные охотники и собиратели с присваивающей формой хозяйства и всеми остальными характеристиками их культуры; вытекающими из их образа жизни. Прослеживаемые на кремневом инвентаре и керамике незначительные связи этого населения с южной зоной не приводили к кардинальным изменениям в их образе жизни, поскольку эти связи были диффузионного характера²⁶.

Итак, человеческие коллективы определенной естественноисторической зоны перешли к производящему хозяйству; последнее, как известно, явилось стимулом для возрастания численности населения в этой зоне. В результате этого возрастания в сравнительно короткие сроки осваивается вся пригодная для нового способа ведения хозяйства территория; возрастание плотности населения влечет за собой интенсификацию производства, освоение новых его отраслей.

Не все человеческие коллективы, будь то родовые или более поздние и совершенные племенные, оказываются волею судеб в одинаково

²¹ См. В. М. Массон. Джейтунская культура. «Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции». Т. X. Ашхабад. 1961; его же. Средняя Азия и Древний Восток. М.-Л. 1964.

²² См. Г. Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 158. Л. 1969.

²³ А. И. Шевченко. К истории домашних животных Южного Туркменистана. «Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции». Т. X, стр. 475.

²⁴ О. К. Бердыев. Песседжик-депе — центр неолитического оазиса. «Археологические открытия 1969 года». М. 1970, стр. 414.

²⁵ А. В. Виноградов. Неолитические памятники Хорезма. М. 1968; Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскар-ов. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент. 1966; «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы».

²⁶ Г. Ф. Коробкова. Указ. соч., стр. 125—126.

благоприятных условиях для своего развития. Тут играют роль многие факторы: природные условия, плодородие земли, качество и количество пастбищ, умение вести хозяйство, наконец, индивидуальные способности членов коллектива и многое другое. Совокупность этих моментов обуславливала межродовую дифференциацию, то есть то явление, которое впоследствии, уже в исторические времена, приводило к неравномерности исторического развития. Вот и получалось, что одни племена, жившие в благоприятных природных условиях, стали вести преимущественно земледельческое хозяйство, в котором разведение скота являлось лишь существенным дополнением. Другие, также в силу определенных природных условий, стали отдавать предпочтение разведению домашнего скота, занимаясь земледелием лишь как вспомогательной отраслью хозяйства.

В результате непрерывного возрастания численности и плотности населения на сравнительно ограниченной территории среди земледельческо-скотоводческих племен складывается положение, при котором части населения необходимо покинуть веками насиженные места, чтобы они сами, в равной степени как и оставшиеся, могли существовать в привычных условиях первобытнообщинного способа производства²⁷. Те человеческие коллективы, которые вели преимущественно скотоводческое хозяйство, оказались менее привязанными к земле, чем их соплеменники-земледельцы. Они-то и были вынуждены уйти со своих исконных мест и переселиться на новые.

Отторгнутая в силу естественноисторических причин от своей родины часть земледельческо-скотоводческого населения вступила в соприкосновение с периферийными неолитическими племенами, причем с более отсталыми, поскольку отторжение части населения отнюдь не значит, что она могла уйти в любую сторону. К этому времени исконные земледельческие районы оказались настолько плотно заселенными, что на долю «изгоев» остались лишь неплодородные горные или пустынные области близости. Поэтому они были вынуждены предпринимать сравнительно длительные передвижения в поисках практически не освоенных производящей экономикой пространств. Такие области были, но там преобладал присваивающий тип хозяйства, население занималось охотой, рыболовством и собирательством. Эти области были расположены в основном севернее исконно земледельческого пояса; это было среднеазиатское междуречье, Приаралье и районы по Узбою, древнему руслу Аму-Дарьи, впадавшему в Каспийское море. Туда и устремлялись отторгнутые коллективы.

Контакт земледельцев с собирателями привел к образованию обширной зоны сложения скотоводов вторичного типа. Нам трудно сейчас представить себе, как происходило знакомство и первоначальное параллельное существование коллективов с разными хозяйственными укладами. Скорее всего, на первых порах видов знакомства было великое множество, начиная от принятия пришельцев в состав аборигенов и кончая взаимным жестоким истреблением. Как бы то ни было в каждом частном случае, в целом, очевидно, наблюдалась тенденция к мирному сосуществованию. Племена с присваивающей формой хозяйства переняли у пришельцев их достижения — земледелие, скотоводство, производство керамики и металла, наконец, всю ту терминологию, которой прежде не существовало и которую пришлось бы придумывать заново. Пришельцы же, передав свои достижения, через несколько поколений оказались растворенными в местном населении.

Археологические раскопки, которые уже 25 лет проводятся на территории Средней Азии, дают нам факты, доказывающие правильность

²⁷ И. Н. Хлопин. Сегментация в истории первобытного общества. «Вопросы истории», 1968, № 8, стр. 99—111.

нарисованной нами схематически теоретической картины. Выше уже говорилось о том, что с VII—VI тыс. до н. э., когда в южной части Средней Азии коллективы людей перешли к производящему хозяйству и оседлому образу жизни, весь этнический массив этих мест распался на две культурно-хозяйственные зоны. На юге сложилась зона оседлых земледельцев и скотоводов, тяготевшая к передневосточному очагу производящей экономики (культуры джейтунского типа). На севере простиралась обширная, во много раз больше первой, зона полуседлых охотников и собирателей (культуры раннекельтеминарского типа). В течение V—IV тыс. до н. э. население этих зон существует весьма изолированно по отношению друг к другу; эпизодические влияния прогрессивных южных областей на более отсталые северные не приносят ощутимых результатов для последних. Однако с III тыс. до н. э. положение заметно меняется: в памятниках этого времени, расположенных в Приаралье и вдоль древнего русла Аму-Дарьи, впадавшего в Каспийское море, археологи начинают находить очевидные следы интенсивного воздействия южных культур на северные.

К середине III тыс. до н. э. вдоль северных предгорий Копет-Дага (от Кызыл-Арвата на западе до древней дельты реки Теджен на востоке), в юго-восточном Закаспии (в бассейнах рек Атрек и Горган) и в северном Иране были расположены традиционно земледельческие области. Население этих областей имело значительную плотность, поскольку оседлый образ жизни и производящая экономика способствовали возрастанию численности населения, но они же препятствовали и его оттоку за пределы этой зоны. К середине III тыс. до н. э. все пригодные для ведения производящего хозяйства земли были прочно заняты, а население продолжало возрастать. Оно в своей повседневной жизни занималось возделыванием полей, разведением домашнего скота, многими домашними промыслами, перераставшими уже в ремесла, в том числе и металлургией. Производство керамической посуды, которая своей орнаментацией и ее последовательным изменением превратилась в достаточно точную хронологическую шкалу, достигло высокого совершенства. Именно находки этой керамики, места изготовления которой устанавливаются совершенно определенно, и являются для северных и восточных памятников теми свидетелями проникновения носителей южных культур с производящим хозяйством в среду северных культур с присваивающим хозяйством, показания которых в археологии признаются бесспорными.

На памятниках поздней фазы кельтеминарской культуры в Хорезме около середины III тыс. до н. э. появляются свидетельства того, что их древнее население начинает переходить к производящему хозяйству. Поскольку совершенно очевидно, что ни злаки, ни домашний скот сами на значительные расстояния перемещаться не могли, а Приаралье не входило в зону, где произрастали дикие формы злаков и водились дикие исходные формы домашних животных, то появление там тех и других надо объяснять только привнесением туда навыков ведения производящего хозяйства. Исходный пункт новой экономики помогают определить отдельные находки керамики на стоянках Кават 7 и Дингильджа 6, которые имеют явные параллели в памятниках Астрабадского бронзового века, в частности на поселении Шах-тепе²⁸. Так как еще в раннекельтеминарских стоянках верхнего Узбоя прослеживались отчетливые свидетельства проникновения кремневого инвентаря из мазендеранских памятников, то мы имеем полное основание рассматривать проникновение культуры оседлых земледельцев и скотоводов из южного Прикаспия и низовий Атрека и Горгана в Хорезм как продолжение древних tradi-

²⁸ А. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 151.

ций. Более того, фрагменты шах-тепинской керамики в неолитической пещере Джебел²⁹ указывают промежуточные пункты этих традиций.

Факты проникновения производящей экономики на правобережье среднего течения Аму-Дарьи относятся примерно к этому же времени. Там было обнаружено поселение с расписной керамикой, характерной для подгорной полосы Копет-Дага эпохи ранней бронзы (культура Намазга IV); эта находка не оставляет сомнения в том, что в среднеазиатское междуречье переселились какие-то люди и принесли с собой все свое имущество и знания, а не передали местному населению изготовленные ими предметы и орудия. Это поселение находится в определенной близости к местным памятникам кельтеминарского типа, в которых нет никаких признаков производящего хозяйства.

Экономический и социальный уровень развития местного населения междуречья Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, с которым вступили в контакты выходцы из подгорной полосы, можно сравнительно полно проследить на материале открытых стоянок, расположенных западнее Бухарского оазиса. Их насчитывается более 30, но только одна стоянка, Дарбаза-Кыр, сохранила три культурных слоя, а от других остался лишь материал на поверхности. Анализ кремневого, костяного и каменного инвентаря, остатков костей животных и других находок позволил установить, что экономика аборигенов прочно стояла на присвоении готовых продуктов природы, главными ее отраслями были охота (на джейранов, лошадей) и рыболовство (ловились щука, сазан, сом и др.). Домашние промыслы, в том числе производство керамики, были самыми примитивными и не выходили за рамки собирательского неолита³⁰. Однако можно полагать, что аборигены среднеазиатского междуречья все же уже подходили к уровню, на котором можно было перейти к производящей экономике: об этом свидетельствуют оседаые, сравнительно долговременные жилища, навыки развитого собирательства и домашнего производства; приход населения с прогрессивной экономикой вызвал бы у них своего рода мутацию.

Эталонным памятником, где сочетаются черты земледельческой культуры юга и охотничьей культуры среднеазиатского междуречья, является могильник и поселение Заман-Баба в низовьях Зарафшана, которые принято датировать концом III — началом II тыс. до н. э.³¹. Комплекс явно привезенных вещей (медные изделия, крестовидные бусы, единичные экземпляры керамики типа Намазга IV) в сочетании с полным комплектом орудий труда и продуктов производящего хозяйства (жатвенные вкладышевые ножи, зернотерки, отпечатки зерен пшеницы и ячменя, наконец, кости домашних животных — крупного и мелкого скота) уживается с большими домами полуземляночного типа, с грубой местной керамикой, с прежним обрядом погребения в катакомбах. Учитывая к тому же антропологическую близость населения Заман-Бабы с населением предгорной полосы Копет-Дага³², можно с полным основанием предположить именно переселение какого-то коллектива людей из южного Туркменистана в междуречье Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, а не усматривать в заманбабинской культуре результат диффузионного влияния из тех же областей³³. Весь Заманбабинский комплекс фиксирует

²⁹ А. П. Окладников. Пещера Джебел. «Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции». Т. VII. Ашхабад. 1956, стр. 36.

³⁰ У. Исламов. Неолитическая культура в низовьях Зарафшана. Автореферат кандидатской диссертации. Л. 1963; «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы», стр. 142.

³¹ Е. Е. Кузьмина. Могильник Заман-Баба. «Советская этнография», 1958, № 2, стр. 24—33; А. Аскар-ов. Низовья Зарафшана в эпоху бронзы. Автореферат кандидатской диссертации. Л. 1962; «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы», стр. 208—212.

³² Л. В. Ошанин, В. Я. Зезенкова. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. Ташкент. 1953.

³³ «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы», стр. 212.